

Текст 22. В. П. Астафьев «Постскриптум»

Среди многих постыдных поступков, которые я совершил в жизни, более всех памятен мне один. В детдоме в коридоре висел репродуктор, и однажды в нём раздался голос, ни на чей не похожий, чем-то меня — скорее всего как раз непохожестью — раздражавший.

Со словами негодования я выдернул вилку репродуктора из розетки. Голос певицы оборвался. Ребятня сочувственно отнеслась к моему поступку, поскольку был я в детстве самым певучим и читающим человеком.

Много лет спустя в Ессентуках, в просторном летнем зале, слушал я симфонический концерт. Всё повидавшие и пережившие на своём веку музыканты крымского оркестра со славной, на муравьишку похожей, молоденькой дирижёршей терпеливо растолковывали публике, что и почему они будут играть, когда, кем и по какому случаю то или иное музыкальное произведение было написано. Делали они это вроде как бы с извинениями за своё вторжение в такую перенасыщенную духовными ценностями жизнь граждан, лечащихся на курорте, и концерт начали с лихой увертюры Штрауса, чтобы подготовить переутомлённых культурой слушателей ко второму, более серьёзному отделению.

Но и сказочный Штраус, и огневой Брамс, и кокетливый Оффенбах не помогли — уже с середины первого отделения концерта слушатели, набившиеся в зал на музыкальное мероприятие только потому, что оно бесплатное, начали покидать зал. Да кабы просто так они его покидали, молча, осторожно — нет, с возмущениями, выкриками, бранью покидали, будто обманули их в лучших вожделениях и мечтах.

Стулья в концертном зале старые, венские, с круглыми деревянными сиденьями, сколоченные порядно, и каждый гражданин, поднявшись с места, считал своим долгом возмущённо хлопнуть сиденьем.

Я сидел, ужавшись в себя, слушал, как надрываются музыканты, чтоб заглушить шум и ругань в зале, и мне хотелось за всех за нас попросить прощения у милой дирижёрши в чёрненьком фраке, у оркестрантов, так трудно и упорно зарабатывающих свой честный, бедный хлеб, извиниться за всех нас и рассказать, как я в детстве...

Но жизнь — не письмо, в ней постскриптума не бывает. Что из того, что певица, которую я оскорбил когда-то словом (имя ей — великая Надежда Обухова), стала моей самой любимой певицей, что я «исправился» и не раз плакал, слушая её.

Она-то, певица, уж никогда не услышит моего раскаяния, не сможет простить меня. Зато, уже пожилой и седой, я содрогаюсь от каждого хлопка и бряка стула в концертном зале. Меня бьёт по лицу зрительская ругань в тот момент, когда музыканты изо всех сил, возможностей и таланта своего пытаются передать страдания рано отстрадавшего близорукого юноши в беззащитных кругленьких очках.

Он в своей предсмертной симфонии, неоконченной песне своего изболелого сердца, более уже века протягивает руки в зал и с мольбой взывает: «Люди, помогите мне! Помогите!.. Ну если мне помочь не можете, хотя бы себе помогите!..»

Виктор Петрович Астафьев — советский и российский писатель, драматург, сценарист.

